Стоял час заката, ясного, тёплого, летнего. Воскресенье – день, когда люди возвращаются из-за города. И именно в тот час в мою дверь яростно начали одновременно звонить и стучать. Первой мыслью было: пожар?! На пороге стояли Валя и Виктор, мои соседи с нижнего этажа. И если Виктор был бледен как полотно, то его жена, похоже, едва держалась на ногах.

Прошло немало времени, прежде чем мне удалось их успокоить и добиться связного рассказа. Особо близко мы знакомы не были. Поэтому Виктор, прежде чем перейти к делу, минут пять оправдывался: мол, весь подъезд и даже весь дом знают, чем я занимаюсь, поэтому ко мне и кинулись, все остальные могут просто счесть, что супруги Калинины «сдвинулись», у обоих враз «поехала крыша», а ему при должности генерального директора довольно известной фирмы это – «последнее надо».

Вслед за тем мои соседи, наконец, перешли к сути. «Целый день мы с Валей копались на даче, - начал Виктор. – Это чтоб вы не подумали, что мы туда ездили развлечься в кампании и, соответственно, выпивали. Нет! Ничего похожего, мы оба заядлые земледельцы не по нужде – теперь всё можно купить без хлопот, - просто нравится выращивать самим овощи и цветы. Даже как-то не особенно устаём, хотя работаем много. На обратном пути, правда, купили несколько банок хорошего пива, но выпить его, приехав домой, не успели.

Я только-только открыл первую банку, а Валя направилась на кухню за посудой и закуской, как услышала…» Валя тоже поначалу только услышала этот голос за своей спиной. Знакомый и ещё не забытый голос свекрови, умершей за шесть месяцев до нынешнего воскресенья… Враз и мгновенно обернувшись, они увидели и её, стоящую в углу просторной гостиной.

Абсолютно живую, одетую в то же самое платье, в котором женщину схоронили полгода назад! – Никогда не забуду ту печать страдания, которая была на мамином лице, когда она лежала в гробу.- продолжал Виктор. – А теперь этой печати не было, напротив мама выглядела ну… несколько озабоченной, что ли… И немного строгой, как в детстве, когда наказывала нас с Соней, сестрой…

Мама при жизни была очень мягким человеком. Помню, когда обнаружилось, что у неё саркома, и начались её предсмертные страдания, я в отчаянии не раз думал: за что? За что ей такое, ей, совершенно безгрешной, всю свою жизнь отдавшей папе и нам, детям… Мама при этом до последнего дыхания верила, что выживет, мы с Валей и Соней, сестрой, всё для этого сделали!

Правда, что касается Сони – она, можно утверждать, пошла у нас на поводу, считая: мама должна знать, что умирает. И потом, после похорон и отпевания (мы схоронили её по православному обряду) всё время нас с Валей упрекала в ложной гуманности. В обмане. Я это к тому говорю, чтобы вы поняли, отчего сегодня мама сказала именно то, что сказала… Потому, что это важно: мама откуда-то ЗНАЛА, что мы с Соней больше не общаемся. И хотя дача принадлежит и мне, и сестре пополам, Соня туда в это лето ни разу не приехала, а ведь им с мужем «дармовые» овощи нужнее, чем нам, они – люди весьма среднего достатка. Раньше, при маме, я им изредка помогал, а теперь… Ну, сами понимаете…

Так вот, слова мамы. Я их до самой смерти не забуду! «Витя, - сказала она, – и ты, Валя, не обижайте Соню». Спокойно так и строго сказала, словно в противном случае мы будем наказаны… Как следовало из их дальнейшего совместного рассказа, реакция супругов была разная. Виктор молча, как заворожённый, смотрел на необъяснимо «воскресшую» мать.

Валентина, очевидно, куда больше испуганная, поступила, как сама призналась, «неизвестно почему», следующим образом: выслушав свекровь, именно она, не отвечая на её просьбу, сказала – нашла в себе силы сказать, не онемев от ужаса и неожиданности, что было бы естественнее: «Мама, зачем вы здесь? Уходите отсюда, уходите немедленно!» «В тот же момент, - продолжил Виктор, - мама… стала как будто таять, становиться всё прозрачнее, всё меньше видна. Наконец, в углу, где она стояла, осталось какое-то смутное облачко, сохранявшее силуэт человека, потом и оно исчезло. Тут-то Валя и грохнулась в обморок.

А с меня словно спал какая-то судорога, оцепенение… Я кинулся к Вале, стал трясти её, и она тут же открыла глаза, обморок был короткий и, наверное, не тяжёлый…

Мы оба были в уме и в памяти, коль скоро вспомнили о вас и бросились сюда… Могу добавить, что мы в ужасе ещё и от мысли, что это только начало, что мама теперь начнёт приходить – или, правильнее сказать, являться? – всё время. Разве может обычный человек знать, как избавиться от подобного ужаса? Уверен: раз ВСЁ ЭТО правда, нужен специалист… Вы ведь специалист? Это не просто слухи?..» …

Есть очень чёткая грань между тем, что веками определяется как «привидение», и явлением покойников близким людям, как правило, в доме, где недавно умер человек. Мои коллеги не дадут солгать: в последние два года подобные явления участились. Между тем приход умерших к родственникам отнюдь не столь уж безобидное явление,

как столкновение с привидением. Максимальный ущерб, который может нанести привидение-фантом, долгие десятилетия появляющийся на одном и том же месте, - стресс от страха при близком знакомстве с подобной аномалией. И страх, и стресс проходят, оставляя после себя твёрдое знание, что загробная жизнь и в самом деле существует. Совсем другая картина в тех случаях, свидетелями одного из которых оказались супруги Калинины. Запрет на тему смерти «отменён» у нас лет десять-двенадцать назад. Но отменить подобный запрет, к сожалению, ещё не значит вернуть людям всю многовековую культуру, связанную с вновь разрешённой темой. Ведь поколения, которые были носителями этой культуры, давно ушли, так и не передав нам своё традиционной знание!

Вспомним хотя бы поистине всемирную дискуссию, тщательно скрываемую соответствующими органами от нас, россиян, которая возникла в конце шестидесятых – начале семидесятых после опубликования на Западе «Ракового корпуса» Солженицына. Она сводилась к следующему: нужно говорить безнадёжно больным людям о том, что впереди у них смерть? Можно ли считать преступником врача, сообщившего больному, что он безнадёжен?

Напомню: на Востоке такая дискуссия, ни в какие времена, возможной не была бы. Там изначально иное отношение к жизни, смерти и вечности, подробнейшим образом выраженное в своеобразной «инструкции», как именно следует покидать этот мир с наименьшим ущербом для личности, души. Речь идёт о «Книге мёртвых». Причём основные «требования» предъявляются в этой неизбежной для каждого человека ситуации к живым, именно к близким людям, находящимся у смертного одра больного.

На Востоке и впрямь ни от одного умирающего не скрывали, что он уходит из жизни. Интересно: наша собственная, основательно забытая российская традиция, сохранившаяся сегодня разве что в самобытных русских деревнях, этому не противоречит! Однажды в детстве, отдыхая с бабушкой в деревне, я была свидетельницей смерти ещё не старой женщины, матери четырёх детей. Трагедия немыслимая, особенно по тем, нищим временам конца пятидесятых… Местный фельдшер не решился сказать умирающей, что именно происходит. Зато об этом, вроде бы совершенно не щадя её материнские чувства, разговаривали с ней вечером, накануне смерти, местные «бабуси».

Смысл беседы (иначе это не назовёшь) я помню, несмотря на малолетство. Во всей округе тогда не было ни одного храма, ни одного священника, поэтому, вероятно, и взялись за это очень важное дело бабушки… С Настей говорили прямо, попутно давая советы: «Когда почуешь, что конец наступает, ты не просто молись, ты сама себя говори: «К Богу хочу, к Богу, Господи, прими мою душу, спаси меня от козней дьявольских…» И покуда можешь, всё к Богу да к Богу хоти… Вот и пройдёшь, вот и простит Господь, что без исповеди да причастия! Нешто не знает про наши времена?!»

Если теперь мы откроем всё ту же «***Книгу мёртвых***», невозможно будет не заметить совсем не случайное совпадение советов умирающему: если человек умирает в памяти, близкие должны посоветовать ему всё время желать прорваться сразу к Свету, сквозь

тьму, не задерживаясь, - к свету! Увещевания по этому поводу, адресованные к умирающему, длятся ещё в течение всего того времени после смерти человека, тело которого находится рядом с близкими. То есть до момента захоронения…

Точно также поступают, в частности, и старообрядцы. Ведь тяжёлая или внезапная смерть не готового к такому обороту событий человека в равной степени опасна и для него самого, и для близких ему людей. В невидимом, тонком мире, куда переходит человеческая душа, покидая своё вместилище, именно желание – как наиболее яркое выражение полного слияния чувств и мысли, является самым сильным рычагом, определяющим посмертную судьбу умершего. И если эмоции не до конца сливаются с мыслью об уходе, они оказываются сильнее: начинается «перекос», затрудняющий уход человека.

Например, умерший, ещё до смерти не осознавший неизбежность своего ухода, очень сильно озабочен какой-то чисто земной проблемой. Ищет и, возможно, уже придумал, нашёл из неё выход. Единственное препятствие – его болезнь, завершения которой он ждёт с нетерпением, не предполагая собственного конца. И тогда его связь с мирскими делами упрочняется, а после выхода души из тела становится настоящим канатом, не позволяющим личности покинуть этот мир.

Этот своеобразный энергетический канат связывает его с теми близкими и родными, которые находятся в центре нерешённой при жизни проблемы. У магов это называется «некротическая связь». Возникает она в случае, если умерший стал жертвой убийства, катастрофы и особенно самоубийцей. Второй связующий конец этого каната накидывается всегда на кого-то из родственников и затягивает его горло не хуже настоящей петли…

Жертва некротической связи начинает болеть теми же болезнями, что и умерший. Если речь идёт о самоубийце – впадает в состояние тяжелейшей депрессии. О жертве катастрофы – в информационном поле родственника появляется установка почти на стопроцентное повторение той же или аналогичной ситуации, и тоже со смертельным исходом…

Традиционная медицина много лет считала рак наследственным заболеванием, хотя чисто медицинских доказательств этому не было. Основанием служили только такие вот факты: в одной и той же семье после первого умершего от рака слишком часто следуют смерти по той же причине других членов семьи.

На самом деле подлинная причина этого явления как раз в том, что от жертвы этой болезни как можно тщательнее скрывался диагноз. Совершенно не готовый к смерти, часто до последней секунды питающий надежду на выздоровление человек, да ещё если его не подвергали церковному обряду отпевания, сразу уйти из нашего мира в девяносто случаях из ста не мог. И в итоге неизбежной некротической связи с кем-то «самым близким» из оставшихся накидывал ему на горло смертоносную для живого человека энергетическую петлю, «тянул за собой»…

Знаю немало случаев, когда в подобных ситуациях покойник так же, как у моих соседей, систематически являлся кому-нибудь из родных с одной и той же настойчивой просьбой. Ну а можно ли собственными силами справиться с такой, мягко говоря, неприятностью? Ведь именно об этом спросили меня в то воскресенье соседи. Обманывать не стану: если, на вашу беду, умерший начал являться систематически, не прекратил свои визиты даже после обращения в храм, где вы заказывали и отпевание, и сорокоуст (сорокадневную службу за упокой его души), без помощи энерготерапевта не обойтись.

Только маг в состоянии «перерезать» опасную энергетическую связь. Иногда помогает исполнение той просьбы, которая и приводит к близким покойника: так, кстати, было в случае с моими соседями. После их примирения с сестрой, произошедшего по инициативе супругов, мать им больше не являлась. Но наиболее действенны, я бы сказала, меры профилактические.

Когда религия говорит нам о необходимости «помнить о смерти», не нужно воспринимать это как требование ежесекундно готовиться к гибели, только о ней и думать. Всё не столь примитивно, как может показаться на первый взгляд. Я бы сказала так: необходимость помнить действительно есть. Заключается же она в том, что человек, что бы ни случилось, постоянно должен культивировать естественное для каждого желание «быть в Свете, а не во тьме».

Эта установка заложена от рождения в подсознание каждого, это и есть врождённый религиозный инстинкт, не менее сильный, чем инстинкт самосохранения.

Возродить его не сложно: просто вспоминайте, пусть изредка, что когда-нибудь все ваши здешние беды останутся позади и вы наконец прорвётесь туда, откуда пришли в этот мир, - в вечность. А если кто-то из ваших близких достиг этой грани, мысленно напомните ему, что даже в случае временной разлуки ваша общая, куда более светлая жизнь не прервётся никогда! Вы всегда будете вместе.

Он поверит вам и почувствует облегчение хотя бы потому, что каждый человек на грани великого перехода от физического существования к духовному обязательно предчувствует не только сам переход, но и ту истину, которая ему вот-вот откроется. …

Анна МИХАЙЛОВА, Сегодняшняя Газета, 9 октября 1997г.